

ПРОЩЕ, ЛЕГЧЕ, ВЫШЕ, ВЕСЕЛЕЕ!

В жизни К. С. Станиславского музыка занимала большое место. Участвуя в домашних спектаклях, он пел, танцевал, мелодекламировал. Слушание опер вызывало у него много мыслей о слабых сторонах оперных постановок, которые часто представляли собой костюмированный концерт и не содержали драматического действия и актерской игры.

В конце восьмидесятых годов при деятельном участии 25-летнего Станиславского в Москве было создано Общество искусства и литературы, которое ратовало за создание высокохудожественных спектаклей, путем слияния воедино драмы и музыки. Большую роль в развитии музыкальных интересов Станиславского сыграло сближение с П. И. Чайковским, высказывания которого молодой артист жадно ловил, находя в них много близкого своим взглядам.

При Советской власти Станиславский, будучи уже пожилым человеком, смело пошел по пути реформы музыкальных спектаклей. Он возглавил студию, которая была создана при Большом театре, а несколькими годами позже — Оперный театр.

Принципиальное и практическое значение работы Станиславского в опере огромно. В опере надо поднимать сценическую сторону, учил Станиславский. «Мне нужны не голые ноты, а мысле-ноты», — говорил он певцам. Нередко он ставил в тупик певца, старательно выпевающего трудные ноты, простым вопросом о смысле, содержании исполняемой арии или песни: «Я хочу знать, о чем вы поете».

Незабываема та сила и правдивость чувства, которых достиг Станиславский при постановке оперы «Евгений Онегин». Впервые партитура Чайковского была так осмысленно прочитана. Много интересного было и в последующих оперных постановках Станиславского «Тайный брак» Чимарозы, «Вертер» Массне, «Царская невеста» Римского-Корсакова и др. После оперных спектаклей Станиславского уже были невозможны старые примитивные, антихудожественные приемы в опере.

Много и упорно работал Станиславский с певцами, требуя от них правильного отношения к искусству. «Люби искусство в себе, а не себя в искусстве», — говорил он ученикам. Служение искусству должно сочетаться со скромностью. Беспощадно Станиславский сшибал гонор с зазнавшихся артистов. Гневно обрушивался он на тех режиссеров и певцов, которые не тренировали в себе способности «видения», т. е. умения представить себе конкретно содержание музыки. Станиславский расценивал декорации в опере, как образное воплощение музыки. И дирижер, и режиссер, и актеры должны жить общей жизнью, чтобы добиться «естественного творчества».

Не приходится говорить о том, насколько учение Станиславского важно сегодня для наших музыкальных успехов, для советской исполнительской культуры. В осуществлении величественных задач по воспитанию нового человека, поставленных перед советским искусством Коммунистической партией, в борьбе со всевозможными чуждыми и враждебными социалистическому реализму реакционными, упадочниче-

скими, модернистскими течениями, появившимися в буржуазном искусстве, теория и практика Станиславского являются надежной опорой.

Очень часто об этом забывают. За кулисами театра, во время спектакля или репетиций, далеко не все и не всегда заботятся о сохранении сценического образа. И в опере, и в концертах преобладают голые, бессмысленные ноты. Исполнитель часто думает о том, как поразить слушателей мимолетным эффектом, вместо того, чтобы «жить на сцене. Декорации по большей части являются плодом фантазии художника, плохо представляющего себе смысл музыки. Большинство постановок Молдавского оперного театра, несмотря на усилия режиссеров, очень уязвимы с точки зрения правильного понимания и знания музыки. Станиславский говорил, что оперный режиссер должен обладать внутренней музыкальностью.

Всем музыкантам и певцам, дирижерам и режиссерам хотелось бы напомнить слова Станиславского о том, что над каждым храмом искусства должен висеть лозунг: «Проще, легче, выше, веселее».

Д. ПРИНИШНИКОВ.